

Перспектива дальнейших исследований видится в выявлении и подробном анализе этих средств. Кроме того, проведение развернутых исследований в области коммуникативного аспекта словообразования на материале разных языков, несомненно, даст интересные результаты и для типологических заключений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Erdmann K.O. Die Bedeutung des Wortes . Aufsätze aus dem Grenzgebiet der Sprachpsychologie und Logik. – Leipzig, 1922. – 237 s.
2. Ежедневник Horizont (1990 – 1995).
3. Wotjak G. Untersuchungen zur Struktur der Bedeutung, Berlin, 1977: Jeger-Verlag. – 125 s.
4. Ladissow A.I. Untersuchungen zur Konnotation im Bereich der nominalen Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Diss ... Leipzig, 1981. – 198 s.
5. Кокин А.К. К вопросу о коннотации. Вопросы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. Курск, 1975 – С.27-32.
6. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в современном немецком языке. – М.: ВШ, 1984 – С.263.

Э.П.Васильева*

Самарский государственный университет

О ФОРМАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ И КОГНИТИВНОЙ ПРИРОДЕ ОБОБЩЕНИЯ В ПОСЛОВИЦЕ

Пословицы занимают особое место в системе речевых актов любого языка: если в основе своей речевой акт ориентирован на включение в коммуникативный процесс и является частью монологического или диалогического текста, то пословица представляет автосемантическое, коммуникативно самодостаточное высказывание с четко выраженной иллюкутивной силой. По этим причинам пословицу можно признать мини-текстом, выражающим устойчивые социальные факты, явления и отношения.

---

* © Васильева Э.П., 2000.

В пословицах наиболее ярко выражается когнитивная функция языка, выступающего средством оформления и передачи социального опыта, отражающего «итоги познавательной деятельности человека» [1, 104].

Своеобразие пословиц как речевых актов особого вида проявляется в том, что здесь носят обобщенный характер и субъект действия/носитель состояния, и реципиент заложенной в пословице идеи. Если для характеристики пословиц обратиться к понятию референции, то их можно классифицировать как общереферентные высказывания в противовес высказываниям с конкретной референцией. Как пишет Л.Б.Лебедева, «референт конкретного высказывания – это отдельный индивидуальный объект или индивидуальное лицо (в частном случае – группа объектов или лиц), тождественные сами себе при возможном изменении некоторых характеристик... Референт общереферентного высказывания – это множество объектов, которые, независимо от всех прочих свойств, обнаруживают определенные общие признаки..., это открытый класс, куда объект может быть включен не потому, что это он, а потому что он «такой». И далее: «Конкретная референция должна обеспечить уверенное нахождение объекта, о котором делается высказывание. Общая референция призвана задать критерий, обеспечивающий отбор тех объектов, по отношению к которым высказывание является правомерным» [2,81]:

All cats are grey in the dark.

Kind hearts are more than coronets.

Диалектический характер пословиц проявляется в том, что в них общие суждения о природе, мире, человеке реализуются в конкретных образах, отображающих фрагменты реальной действительности. Соответственно, в семантико-синтаксической структуре пословиц сосуществуют два плана значения: первый из них, исходный, создается линейной связью компонентов, а второй, глубинный, возникает в результате переосмысления исходного значения и несет обобщающе-дидактическую информацию.

Переосмысление является универсальным процессом при создании пословиц, так как оно имеет место не только в пословицах с образной структурой, но и в пословицах, сохраняющих буквальное значение компонентов, ибо даже в последнем случае имеет место неравноценность исходного значения высказывания, создаваемого на линейном уровне, его обобщенному значению:

Например, идея пословицы «*Art is long, life is short*» заключается не в пессимистическом выводе «сложить руки», ибо нельзя «объять необъятное», а в призыве не тратить время попусту и постараться успеть многое сделать. Аналогичным образом, пословица «*Easy come, easy go*» ха-

рактизует не условия «прихода – ухода», а несет гораздо более общую идею: люди легко расстаются с тем, что добыто без труда.

Однако подчеркивая роль переосмысления в создании пословиц, не следует недооценивать роль формально-языковых средств, представленных в синтаксической структуре высказывания – пословицы, ибо они играют очень важную роль в создании эффекта обобщения и дидактической направленности пословиц. Эти средства представляют как морфологический, так и синтаксический уровни языковой системы.

В плане синтаксического оформления наивысшей побудительной и дидактической силой безусловно обладают императивные высказывания, носящие адресованный характер; это излюбленная синтаксическая форма пословиц как в русском, так и в английском языках:

Не говори гон, пока не перепрыгнешь – Never cackle till your egg is laid.

Don't trouble trouble until trouble troubles you – Не буди лиха, пока лихо тихо.

Кроме императивных, в русском языке в качестве синтаксической основы пословиц широко используются односоставные предложения, лишенные грамматического субъекта, номинирующего конкретное лицо, предмет, явление – как следствие, в таких предложениях возрастает уровень обобщения – речь идет об односоставных обобщенно-личных и неопределенно-личных предложениях:

Поспешишь – людей насмешишь.

Тяше едешь – дальше будешь.

Соловья баснями не кормят.

Цыплят по осени считают.

Такие разновидности односоставных предложений не представлены в современном английском языке, следовательно, здесь возникает объективно обусловленная необходимость использования иных средств передачи обобщенного субъекта.

Во-первых, в английском языке универсальным средством обобщения выступают оба артикля – как неопределенный, так и определенный. При этом первый предпочтителен при выражении типичных свойств, проявляющихся в определенных условиях, а второй – при обобщениях на родовом уровне (*the generic sense*):

A drowning man will catch at a straw.

A curst cow has short horns.

The leopard cannot change its spots.

The face is the index of the mind.

Примечательно, что при наивысшей степени обобщения существительное *man* употребляется без всякого артикля:

Man proposes but God disposes.

Следующую группу обобщающих средств составляют местоимения различных разрядов, среди которых обобщающая сила наиболее полно представлена в определительных местоимениях *all, each, every*:

All asses wag their ears.

Each bird loves to hear himself sing.

Every bean has its black.

Неопределенное местоимение *any*, подобно *each* и *every*, показывает, то, что действительно для каждой отдельно взятой ситуации, типично для всех других однородных явлений:

Any port in storm.

Если упомянутое выше *all* обладает наивысшей степенью обобщения, распространяя утверждение на всех представителей класса, то *many* типизирует, но не обобщает в такой абсолютной степени; это же утверждение остается в силе по отношению к случаям употребления форм множественного числа существительного:

Many a good cow has a bad calf.

Birds of feather flock together.

Средствами типизации субъекта могут выступать и личные местоимения в обобщенном значении:

We never know the value of water till the well is dry.

You cannot teach old dog new tricks.

Что касается местоимений 3-его лица *he* и *they*, то их способность к обобщению реализуется лишь в сочетании с атрибутивными придаточными, которые и расширяют до определенных пределов круг референтов местоимений *he* и *they*:

He knows much who knows how to hold his tongue.

They must hunger in winter that will not work in summer.

Средствами типизации и обобщения могут выступать также отрицательные местоимения и наречия, с помощью которых описываемое явление а) характеризуется как невероятное или nereкомендуемое для исполнения при любых обстоятельствах:

No living man all things can.

Never do things by halves.

б) характеризуется неотъемлемыми, константными признаками:

No sweet without sweat.

There is no fire without smoke.

Средством обобщения могут служить и пассивные конструкции, не содержащие указания на субъекта действия, и, таким образом, носителем указанного действия, состояния, процесса становится неопределенно широкий круг лиц:

A fox is not taken twice in the same snare.

An ill wound is cured, not an ill name.

И, наконец, при анализе средств обобщения особого комментария заслуживает временная форма глагола-сказуемого – это всегда настоящее время основного разряда (*Present Indefinite*). Грамматисты отмечают его способность указывать на неограниченную длительность действия, «при которой настоящее растягивается, вытесняя или поглощая прошедшее и будущее. Это – так называемые «общие истины» [3, 54], которые и составляют суть пословиц.

Не требует доказательств очевидный факт, что вышеназванные морфологические средства обобщения очень часто комбинируются, как это имеет место в следующей пословице, где для создания эффекта обобщения сочетаются артикль, форма пассива в настоящем времени и отрицательное наречие:

A friend is never known till needed.

Выше шла речь об отборе языковых средств, участвующих в создании обобщенного характера денотативного аспекта значения пословиц. Однако данный аспект значения сопровождается в них коннотативным, определяющим экспрессивно-оценочные оттенки пословиц, через которые и реализуется их дидактическое задание. Яркость и воздействующая сила пословиц находят выражение в метафоре, метонимии, сравнении:

A close mouth catches no fly.

A new broom sweeps clean.

Hungry belly has no ears.

A clean hand wants no washing.

An ass in a lion's skin.

As old as the hills.

As plain as the nose on a man's face.

As snug as a bug in a rug.

Из этих и подобных им пословиц видно, что заложенная в них житейская мудрость, назидание, вывод как бы зашифрованы в наборе конкретных образов, ситуаций, явлений. Возникает вопрос: каким образом реципиент, минуя эту конкретную информацию, расшифровывает истинный смысл и иллокутивную силу речевого акта-пословицы? Значимость адекватного ответа на этот вопрос возрастает, если обратиться к процессу восприятия пословиц в иностранном языке, система образной символики которого никогда не бывает тождественной данной системе родного языка. Логично предположить, что на начальном этапе восприятия пословицы реципиент-иностранец воспринимает ее значение, создаваемое линейной связью компонентов благодаря знанию языка (*linguistic competence*), и возникает вопрос: как осуществляется переход от этого линейного уровня к осмыслению подлинного значения и назначения пословицы? Очевидно, в основе этого осмысления лежит

когнитивный процесс категоризации, предполагающий переход от частного к общему, ибо «обычно для того, чтобы представить себе всю категорию в целом, люди используют хорошо им известные, запоминающиеся или особенно характерные примеры» [4, 36].

По мнению Дж. Лакоффа, в процессе категоризации участвуют когнитивные модели четырех типов, лежащие в основе общего для всех людей когнитивного аппарата: пропозициональные, метафорические, метонимические и схематические модели образов [4, 31-32]. Из этих четырех моделей для выражения идеи пословицы и ее интерпретации в процессе восприятия наиболее значимы три первые. Остановимся на них подробнее.

Пропозициональные модели «...вычлняют элементы, дают их характеристики и указывают связи между ними» [4, 31]. Таким образом, они служат средством отражения знания из определенной области человеческого опыта; в пословицах они не предполагают семантического переосмысления образа, но обеспечивают обобщение сказанного за счет описанных выше языковых средств:

A word spoken is past recalling.

All men can't be first.

Appearances are deceiptful.

Best defence is offence.

Метафорические модели – это «модели перехода от пропозициональных моделей или схематических моделей образов одной области к соответствующей структуре другой области» [4, 32]. Например, пословица «*Birds of a feather flock together*» утверждает не только о взаимоприятии птиц одного вида, но свидетельствует о наличии этого явления и в других сферах жизни – не случайно, в русском аналоге этой пословицы речь уже идет о рыбаках («Рыбак рыбака видит издалека»), хотя общая идея остается неизменной.

Несколько иной характер имеет природа метонимической модели – «это модель одного или нескольких описанных выше типов, дополненных указанием функций, выполняемых одним элементом по отношению к другому. Так, модель, которая представляет структуру «часть – целое», включает указание функции части по отношению к целому, согласно которой часть может замещать целое» [4, 32]. Например, в следующих ниже пословицах очевидно, что речь идет о нравственных качествах человека, хотя объектом описания выступают лишь его отдельные органы:

A close mouth catches no fly.

A clean hand wants no washing.

Что касается четвертой разновидности когнитивных моделей – схематической модели образов, дающей представление о таких понятиях,

как траектории, формы или вместилища [4, 31], то она не характерна для системы пословиц, но можно предположить, что эта модель играет важную роль в процессе категоризации научных знаний.

Таким образом, наличие типизированных моделей, лежащих в основе общего для всех людей когнитивного аппарата, позволяет реципиенту, как носителю языка, так и иностранцу, подняться от денотативного уровня значения пословицы к его дидактическому значению.

Безусловно, успешная работа описанных выше моделей предполагает взаимодействие как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Справедливым представляется утверждение Ч. Филлмора о том, что «отработка дискурса – не просто когнитивное, но в то же время и социальное событие» [5, 59]. Корректной интерпретации пословицы реципиентом способствуют не только его владение когнитивным аппаратом и лингвистической информацией, но также знание нравственных норм и социальных стереотипов общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврин С.Г. Фразеология современного русского языка. – Пермь, 1974.
2. Лебедева Л.Б. К проблеме общереферентных высказываний // Вопросы языкознания. – 1986. – № 2.
3. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: ВШ, 1981.
4. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988.
5. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988.

ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. A dictionary of English Proverbs in Modern Use. – Moscow: Russky Yazik, 1985.
2. Гварджаладзе И.С., Мchedlishvili Д.И. Английские пословицы и поговорки. – М.: Высшая школа, 1987.
3. Английский язык в пословицах и поговорках. – М.: Просвещение, 1987.